

О. П.

Увидеть Виолу и умереть

Впервые в Москве прошла биеннале современного искусства

Буквальный перевод слова «биеннале» — раз в два года. По отношению к современному искусству оно означает международную мегавыставку, периодически собирающую очень много работ современных художников в какой-либо точке планеты. Биеннале проходят в Сан-Паулу, Лионе, Кванчжу, а самая престижная — в Венеции. Лет через сто после открытия первой (Венецианской), оказалось, что, вообще-то, можно проводить биеннале и в Москве. И к концу января 2005 года шесть кураторов, авторитетных специалистов contemporary art из Европы и России подготовили программу этого небывалого нашествия современного искусства. Кроме основной программы, более полусотни выставочных площадок Москвы и Подмосковья представили специальные и параллельные проекты, оставившие основную «Диалектику надежды» далеко позади как по количеству, так и по качеству.

Для меня Московская биеннале началась с Билла Виолы. Его знаменитая видеоинсталляция «Приветствие» («The Greeting») — парафраз картины итальянского маньериста Якопо Понтормо «Встреча Марии с Елизаветой», — не первый раз в России. Созданная в 1995 году, она демонстрировалась в Эрмитаже два года назад и в прошлом году — в Москве. Нынче же специальному гостю биеннале отвели Зал истории музея ГМИИ им. А.С. Пушкина.

Темное полуподвальное помещение наполнено звуками, напоминающими гул моря в гигантской ракушке. Изредка проплывают медленные шепоты, обрывки речи. На экране — две женщины, одна в голубом, другая (старшая) в желтом с малиновым. Потом приходит третья — в красном; она беременна. Движения их замедлены: медленные жесты рук, смена настроений на лицах, медленно струящиеся на ветру легкие ткани. Мистическое, завораживающе красивое зрелище.

45-секундная сценка, снятая со скоростью 300 кадров в секунду выросла в 10-минутный сюжет. Непритязательная история о том, как встретились две женщины, и одна из них представила другую своей знакомой, в произведении классика американского видеоарта превратилась в общечеловеческую модель, «встречу» вообще.

Михаил Ровнер «More»

Израильская художница Михаль Ровнер, после прошлогодней Венецианской биеннале вошедшая в список самых известных видеоартистов мира, представила в Москве два проекта. Диптих, который составляют фильмы «More» и «Order», показывают в

смежных залах Мультимедийного комплекса актуальных искусств. Черные человечки на белом экране движутся шеренгами и по одиночке, в одном направлении и врасыпную, разбегаются и снова собираются в неразличимую черную массу. В инсталляции «Petri Dish Tables» цепочки маленьких фигурок сплетаются в кружева, образуют в танце сложные симметричные системы. Круглые мониторчики, вмонтированные в столы, имеют вид чашек Петри, в которых ученые обычно рассматривают микроорганизмы.

Есть ли разница между группами людей и цепочками бактерий? Движет ими единая воля, или это самоорганизующаяся система? Периодическая пульсация — дыхание живого организма или размеренная работа машины?

Эти глобальные вопросы задает аскетичное черно-белое видео Михаль Ровнер, созданное при помощи компьютерных технологий. Огромная коммуникативная сила ее работ ставит зрителя и художника в одну цепочку.

Стереть границы между современным и классическим искусством постарался петербургский искусствовед Аркадий Ипполитов, подготовивший выставку «Роберт Мэпплторп и классическая традиция: фотография и гравюры маньеризма». На висящих рядом фотографии скандального Мэпплторпа и гравюре Генриха Голциуса зритель увидит человеческое тело — символ жизненной энергии, самодостаточный универсум и неисчерпаемый источник образов.

Гигантская выставка «Сообщники. Коллективные и интерактивные произведения в русском искусстве 1960 – 2000-х годов», расположилась на втором этаже Третьяковки. Она посвящена феномену коллективного творчества, когда соавторами становятся несколько художников или художник и зритель. Вместе с тем это довольно полная наглядная история русского искусства последней полсотни лет — от классики московского концептуализма, группы «Коллективные действия» и знаменитого тандема Комар-Меламид до сегодняшнего дня.

Одним из самых убедительных стал проект молодых художников «No Comment?». Хорошо сработало и помещение — верхний этаж Фабрики технических бумаг «Октябрь» с протекающим потолком и цементным полом. Не отворачиваясь от острых социальных проблем, художники спорят с приемом телеведущих, который для многих стал стилем жизни. Перформанс Елены Ковылиной «Medal», запись которого была представлена на выставке — простая и выразительная акция. На светском мероприятии художница исследовала реакцию людей (вернее, отсутствие таковой) на военную медаль, приколотую прямо к ее декольтированной груди.

Проект с ироничным названием «StarZ» представили звезды современного российского искусства Олег Кулик, Влад Мамышев-Монро, Виноградов&Дубосарский, группа АЕС+Ф. В центре внимания звезд — сам феномен звездности. Дети из ведущих модельных агентств мира позировали для серии фотографий «Action Half Life». Художники группы АЕС+Ф дали им в руки оружие из популярной компьютерной игрушки. В итоге — непонятно, что выглядит более устрашающе на этих гламурных фотографиях: тяжелые пушки или симпатичные детки без доверчивости в глазах.

«Кино из мясорубки» Сергея Тетерина на «Art Digital 2004» возвращает нас во времена Великого Немого, заставляя вручную крутить старые ленты. Обыкновенная мясорубка с пермского рынка, соединенная с компьютером, способна показывать кино. От вас требуется небольшое усилие, но в нем-то и секрет. Персонажи немых фильмов объясняются в любви, стреляют друг в друга и в самих себя, плачут над убитыми — и вы все это собственноручно перемальваете. Часто возникает непреодолимое желание покрутить ручку назад.

Закончить пребывание на биеннале мне посчастливилось экспозицией в Музее архитектуры им. А.В. Щусева.

В рамках основной программы демонстрировали разный по качеству видео-арт. Самой высокой пробы оказался голландский фильм «Пункт отправления». Получасовое блуждание камеры по орнаменту ковра превращается в увлекательное путешествие. Пройдя путь от косматых переплетений через бесконечно разнообразный и логично организованный рисунок художники Эроен Де Ряйке и Виллем де Рой смотрят на ковер как на метафору мироздания.

Чтобы увидеть инсталляции гостей биеннале, нужно было пройти через странного вида двор. «Чашки Петри» Ровнер стояли в маленьком деревянном фургончике, а «Призраки Одессы» знаменитого французского концептуалиста Кристиана Болтански обитали в полуразрушенном здании.

Кристиан Болтански. «Призраки Одессы».

Болтански сам выбрал для своих инсталляций Аптекарский приказ и неотапливаемый флигель-руину Музея архитектуры. «Призраки Одессы» адресованы не столько интернациональной аудитории, сколько именно русским зрителям. Его дед был в Одессе оперным певцом, а в парижской эмиграции стал чернорабочим. Одесса в личной мифологии художника — вымышленная страна, где можно вспомнить то, чего сам никогда не видел, встретить тех, кто был, а теперь их нет. Это происходит в его работах. Поэтому главные герои его выставок — старые выцветшие фотографии, поношенная одежда и слабые электрические лампочки (не больше 20 Ватт).

Много можно придумать отгадок (мистических, исторических) на эти шифры без ключа. Но неважно, что они означают. Главное — стоять в смертном холоде, идущем от каменных стен, перед развешанными на стропилах старыми пальто и тусклыми лампочками. Бродить в темноте между пустых стеклянных музейных витрин с мигающими неоновыми трубками. Отогреваться, смотря на колышущиеся от вентиляторов простыни, на каждой — глаза незнакомца со старой фотографии, перед каждой — лампочка. И выйти оттуда изменившимся.

Искусствоведы и арт-критики в разговорах о Первой Московской биеннале большей частью обсуждали новые события российского искусства. Я же смотрела биеннале не глазами специалиста, а как простой зритель, поэтому выбор оказался другим.

Проекты — разного качества, и это в порядке вещей. Невозможно каждые два года выставлять тысячи абсолютно новых гениальных произведений искусства, больше половины все равно окажутся «мусором». Только почему-то на нашей биеннале добрая часть из них оказалась на основной и самой популярной площадке — в бывшем музее Ленина. «Диалектика надежды» в целом (были и редкие исключения), по уровню внятности проектов встала на нижнюю ступеньку: образец выставки, которую можно пропустить. Счастье, что на лестнице было много ступеней, в том числе и очень высоких, до которых обязательно нужно было добраться.

Биеннале — не музей. Это один из признаков жизни искусства. И перепады качества — может быть, как раз то, что обеспечивает восхитительное ощущение присутствия этой самой жизни. Кто раз его испытал, больше не сможет отказаться.

Биеннале не обязательно смотреть с начала до конца и слева направо. Гораздо приятней путешествовать справа налево. Или сверху вниз, или по диагонали, попутно фильтруя «мусор». Этим, кстати, придется заниматься на любом мероприятии подобного рода. Даже на Венецианской биеннале или на престижнейшей «Documenta» в Германии. Хотя не знаю, я там еще не была.